

XI. Собственность, Капитал и Обмен.

(Liberté. 1868. № 59)

(Ответ на статьи *Economiste Belge* и *Devoir de Liège*)

«Даровой кредит, равенство обмена, свободная ассоциация, установление нормальной ценности, уничтожение налогов и правительств, уничтожение ренты, найма, арендаторства, свободный договор вместо неограниченной власти, всякая плата за наём или аренду доставляет нанимателю или арендатору соответствующий пай собственности, – таковы основные мысли социальной системы Прудона, пропаганду которой взяла на себя *Liberté*».

«По нашему мнению, они утопичны; осуществлённые на практике, они только усилили бы пауперизм[48] и все те недуги, которыми мы страдаем»

«Прудон, как все социалисты, делает благое дело, обнаруживая недостатки существующего общественного устройства, доказывая необходимость исправить их»

«Он разрушил предрассудки, он обратил всё в руины. Что же касается его плана переустройства, то мы того мнения, что он заключает в себе большое заблуждение; он ложен в своих основаниях»

Мы благодарим *Devoir de Liège* за категорическое определение нашей программы в её самых существенных пунктах.

Да, мы хотим дарового кредита или, лучше сказать, кредита по его настоящей цене, ибо ничто не достаётся даром на этом свете, и всякая услуга требует вознаграждения. Да, мы провозглашаем равенство обмена или, точнее выражаясь, непосредственный обмен между производителями и потребителями. Да, мы противопоставляем свободный договор правительствам и неограниченной власти и, как следствие этих принципов, мы требуем, чтобы налог, повинувшись общему закону, превратился бы в обмен услуг между личностями и обществом, к которому они принадлежат. Но, раз принцип непосредственного обмена продуктов на продукты будет осуществлён при помощи банка, организация которого позволяет меновщикам удовлетворять своим потребностям без вмешательства капиталистов, акционеров и прочих паразитов, всякий продукт делается меновой ценностью наравне с теперешней металлической монетой; всякий продукт циркулирует при такой системе по его настоящей цене, не подвергаясь более учёту, ренте и каким бы то ни было другим убыткам; капитал приобретает цену только постольку, поскольку он полезен и не

приносит более барышей. Логическим следствием всего этого будет зачисление всякого платежа в самый капитал дома; всякая плата за наём или аренду доставит нанимателю или арендатору соответственный пай собственности. Больше не будет ни собственников, ни нанимателей; останутся одни меновщики, производители и потребители.

В чём же утопичность этих идей? Почему не осуществим проект банка, предложенный нами вслед за Прудоном и рабочими Лозаннского Конгресса? Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, что обращение продуктов невозможно без металлической монеты?

Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, раз признав достаточность банковских билетов для совершения обмена продуктов, что для этого необходим выпуск сказанных билетов капиталистами, собственниками или акционерами, для которых они должны служить источником дохода?

Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, что производители, потребители, меновщики не могут сами для себя создать кредитные бумаги, представляющие обмениваемые продукты, сделанные заказы, акцептированные факторы, словом, настоящий знак, изображающий обмениваемые продукты и обращающийся вместо этих продуктов и по их цене.

Чем проект этот, осуществлённый на практике, может увеличить пауперизм и другие недуги, которыми мы страдаем? Как! мы даём должникам возможность уплатить свой долг, внося ежегодно только, так сказать, ренту, на вечное служение которой при существующем общественном устройстве они осуждены, не имея возможности никогда освободиться, – и мы увеличиваем пауперизм! Мы оставляем в карманах промышленников, торговцев и всякого рода работников миллионы, которые они платят банку, – и мы увеличиваем пауперизм! Мы призываем всякого арендатора и нанимателя ко владению почвой, которую он обрабатывает и жилищем, в котором он обитает – и мы увеличиваем пауперизм!

Словом, мы уничтожаем ренту, этот единственный источник пауперизма, – и мы увеличиваем пауперизм! Да тут нет ни капли здравого смысла и те, кто это говорят, не понимают революции.

«Прудон превратил только всё в руины, он ничего не создал». Devoir, вслед за многими другими, повторяет этот банальный упрёк, это общее место критиков, не одарённых философским пониманием, которые считают необходимым, чтобы всякий мыслитель представил своим читателями более или менее искусно придуманный план социальной организации.

Великая заслуга Прудона, равно как и его предшественников XVIII века в том именно и заключается, что они раз и навсегда отказались манипулировать обществом с целью подвести его под разные утопичные системы, и провозгласили, что критика и разрушение составляют единственную задачу мыслителя, способна заместить заблуждение живой истиной.

Французская и немецкая философия уничтожили религиозную идею. По вашему мнению, они только разрушали и ничего не создали? Станем ли мы под предлогом созидания

замещать разрушительные догматы новыми религиозными утопиями? Признаём-ли мы вместе с Жюлем Симоном естественную религию или вместе с Колэном ту непоследовательную религию, которая отрицает бога и признаёт бессмертие души?

Что же нужно поставить на место религиозных аллегорий, разрушаемых критикой? – Ничего. С уничтожением религии останется одна действительность, которую она скрывала от наших взоров; останется одна человеческая совесть, дочь науки; останется человек в полном обладании своей свободой и достоинства.

Капиталисты, собственники, акционеры, ажиотёры[49] будут уничтожены; что же останется? Останется опять-таки одна действительность, истинное общество, останутся производители, потребители, меновщики, которые могут и должны удовлетворять себя сами. Признавши раз несправедливость ренты, зачем нам, вместе с Колэном, отдавать её государству взамен налога? Что значит эта верховная коллективность, присваивающая такую неопределённую часть общественного богатства взамен таких же неопределённых услуг? Где же взаимность? Где же справедливость?

Их здесь не более, чем в налоге на наследство, защитником которого выступает Devoir. Но ученики Колэна до такой степени были ослеплены реакционной и правительственной идеей возвращения богатства коллективности, что они не обращают более никакого внимания ни на личность, ни на семейство. Они не поняли той элементарной идеи, которая, по нашему мнению, доказывает необходимость устройства взаимного кредита, показывает, что личность потребляет прежде, чем производит, и что если бы она не имела возможности уравновесить, при помощи взаимного кредита, свой долг обществу тем, что в свою очередь общество ему должно, то смерть её была бы настоящим банкротством. Работник наилучшей общественной организации может, таким образом, надеяться только на то, чтобы умереть, не оставив никаких долгов; смерть его составляет, во всяком случае, потерю для семьи и нет никаких причин увеличивать эту потерю налогом, который к тому же не может быть оправдан никакой определённой услугой, полученной взамен его.

Таким образом, с точки зрения индивидуальной, производство и потребление не одновременны, но потребление предшествует производству; они могут уравниваться только при посредстве взаимности.

Мы показали влияние реорганизации кредита и обмена на капитал и ренту, на собственность, налог и аренду; под её влиянием также преобразуются налог, правительство и целое общество. Отсюда видно, что обмен и кредит экономические явления более значительные, общие, чем собственность, потому что они управляют последней. Devoir оспаривает это, утверждает, что собственность предшествует обмену: «Когда недвижимая собственность была ещё неотчуждаема, не могла быть продаваема; когда она ещё не участвовала в обмене, разве не было тогда поземельной собственности? »

Странное рассуждение! Если бы неотчуждаемая поземельная собственность предшествовала хоть на десять тысяч лет появлению экономического обмена, то разве это могло бы ей помешать находиться в зависимости от последнего? Под влиянием социальных сил собственность постоянно изменялась. Собственность времён Ромула не соответствует

собственности времён республики. Последняя отличается от собственности во времена императоров; римская собственность вообще не такова, как собственность феодальная, которая в свою очередь не похожа на собственность современную. Ныне неоспоримый факт тот, что как движимая, так и недвижимая собственность подлежат обмену; следовательно, влиять на обмен значит влиять на собственность; производить обмен по его настоящей цене, значит заставлять также и собственность обращаться по её настоящей цене без вознаграждения капиталу, без которого могут обходиться все производители-меновщики и который, не оказывая более никаких услуг, не нуждается и в вознаграждении.

Devoir приходит к следующим заключениям: «капиталисты и собственники никогда не примкнут к вашим статутам. Статуты ваши создадут массу заёмщиков, но где же будут заимодатели? Вот в чём всё затруднение. Кроме того, прудоновские статуты открывают кредит только под надёжный залог...»

«Если бы банк поступал иначе, то он скоро разорился бы».

Возражение это доказывает только, что Devoir совсем не понял нашего проекта реорганизации кредита, подобно тому, как он не понял прудоновского банка и отчёта, представленного по этому предмету бельгийской секцией Лозаннскому Конгрессу.

Какая тут беда, что капиталисты и собственники не присоединятся к нашим статутам, если только собственность и капитал подчиняется влиянию нашего нового механизма обмена? Какая тут беда, что наши статуты создадут массу заёмщиков и только одних заёмщиков, если в новой организации заёмщики и заимодатели одни и те же лица, и, если кредит, который они друг другу взаимно оказывают заключается единственно в обязательстве принимать в уплату общественные кредитные бумаги?

Пусть только Devoir de Liège доставить нам несколько тысяч заёмщиков, и народный банк будет создан.

Что же касается упрёка, будто бы народный банк будет оказывать кредит только под надёжные залого, то упрёк этот совершенно незаслуженный, и мы приглашаем нашего противника перечислить ещё раз параграфы 12 и 13 статут, которые мы напечатали.

Вообще, и пусть Devoir это примет к сведению, мы не принадлежим к числу писателей, которые намереваются дать обществу вполне законченную, идеальную систему, не могущую дать более никакого повода к улучшениям и предназначенную заключить на веки эру революций.

Мы стремимся только к тому, чтобы помочь человечеству вступить на новый путь; единственное обвинение, возводимое нами на существующий порядок вещей, заключается в том, что порядок этот реакционен в своих тенденциях; но мы глубоко убеждены, что серьёзная реформа наших кредитных учреждений, составляющих основание всего социального организма, заставит его идти более или менее быстро, но непременно по пути прогресса; наконец, мы того мнения, что учреждения не могут быть отменены прямым нападением на них, и что для преобразования их нужно противопоставить этим учреждениям другие учреждения, которые бы своим влиянием их постепенно уничтожили. К

числу таких учреждений, против которых человеческая воля прямо ничего не может сделать, принадлежать прежде всего собственности, которую не одолеют усилия коммунизма и утопии; но так как в настоящее время собственность, как движимая так и недвижимая движутся и циркулируют, то постараемся найти законы обращения богатств, законы кредита и обмена, осуществим их в практическом учреждении и мы увидим, что будет с собственностью и капиталом, коль скоро они будут вовлечены в обращение новым механизмом; может рента совершенно исчезнет и следовательно исчезнет и вопрос о том, кому она принадлежит – государству или коллективности. Это, по нашему мнению, самый разумный путь, и нас то уже Devoir не имеет никакого права называть утопистами.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 02:01:25
■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 22 июня 2025 02:16:11